

УДК 329.3

Особенности утверждения идеологии радикального ислама в современном политическом процессе на территории Российской Федерации

Пасандиде Сомайе

Аспирант,

кафедра политологии и социологии,

Московский педагогический государственный университет,

119571, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, д. 88;

e-mail: Somayeh_pasandide@yahoo.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности утверждения идеологии радикального ислама в современном политическом процессе на территории Российской Федерации. Автор освещает основные положения: современный исламский радикализм, как и любой другой, весьма опасен не только для сопредельных государств, но и для всего мира, и в первую очередь для Северного Кавказа.

Для цитирования в научных исследованиях

Пасандиде С. Особенности утверждения идеологии радикального ислама в современном политическом процессе на территории Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2015. № 3. С. 32-50.

Ключевые слова

Радикализм, ислам, Российская Федерация, Северный Кавказ, политический процесс.

Введение

В современном политическом процессе на территории РФ заметную роль стала играть религиозно-политическая идеология ваххабизма, который, как и другие радикальные течения ислама, не является здесь частью официальной религии. Но, как заявляют власти России, различные радикальные религиозно-политические идеи часто внушаются представителями местной уммы в малых мечетях, скрытых от лишних глаз и внешнего политического официоза.

При этом в таких мечетях имамы, как правило, не считают себя сторонниками радикальной исламской идеологии. Ведь даже само слово «ваххабизм» и производные от него понятия в современном русском и других языках (например, арабском) имеют негативный оттенок. Даже сами ваххабиты относятся к этому слову с неодобрением.

С теоретических позиций особенности утверждения идеологии радикального ислама в политических процессах изучены достаточно хорошо. Перечислим лишь некоторые из наиболее известных теорий: теория разделения властей, теории монархии и демократии, теория общественного выбора, общая теория конфликта Кеннета Боулдинга.

В контексте нашей тематики наиболее интересной представляется последняя теория. Общая теория конфликта Кеннета Боулдинга говорит о том, что все конфликты отличаются друг от друга в плане своего генезиса и последующей эволюции. Их подробное изучение и анализ предоставляет возможность создать обобщающее учение в виде «общей теории конфликта», которая позволит обществу контролировать конфликты, управлять ими, прогнозировать их последствия [Теория социального конфликта, 2013, www]. Боулдинг утверждает, что конфликт неотделим от общественной жизни и заложен в самой природе человека как стремление к борьбе с себе подобными. Он выделяет два аспекта социального конфликта: статический и динамический [Общая теория конфликта..., www].

Статический аспект – это анализ сторон (субъектов) конфликта (личности, организации, группы) и отношений между ними, включая этнические, религиозные, профессиональные.

Динамический аспект изучает интересы сторон как побудительные силы в конфликтном поведении людей, включая определение динамики конфликта как совокупности ответных реакций сторон на внешние стимулы.

Идеология радикального ислама в России

Переходя к рассмотрению ключевых особенностей утверждения идеологии радикального ислама в современном политическом процессе на территории России, следует начать с цивилизационного противоборства, обострившегося после крушения великих колониальных империй Запада, прежде всего Великобритании и Франции, вызванного тенденцией к созданию на глобальном уровне единого военно-политического и экономического центра в лице США, проводящего жесткую политику навязывания своей системы ценностей и целей, унижающей культурно-историческое достоинство других цивилизаций, включая арабо-мусульманский мир. Это противоборство, в свою очередь, привело к существенным идеологическим перегибам, которые стали ответом на непродуманную политику США. В итоге, начиная с 70-х годов XX века, распространение ваххабизма оказалось важной составляющей внешнеполитической стратегии Саудовской Аравии, в которой он является официальной и обязательной для подданных королевства государственной идеологией. Не менее шести тысяч аравийских благотворительных фондов стали распространять в разных странах мира, в том числе и в России, ваххабитскую литературу и направлять к местным мусульманам проповедников ваххабизма. Распространялась ваххабитская литература и через российских паломников, побывавших в Саудовской Аравии во время хаджа. Для распространения религиозно-политических идей ваххабизма активно использовался и продолжает использоваться интернет [Зайцева, 2008, www], дублирующий основные положения подобных брошюр. В частности, в одной из таких брошюр, изданных на русском языке, рекомендовалось убивать мусульман, не посещающих пятничную молитву.

В ходе распространения ваххабизма в России резко проявились различия между исторически сформировавшимися, местными «фрагментами» ислама, которые стали называться «традиционным исламом» (подразумевается тра-

диционным для России), и самим ваххабизмом. С одной стороны, это спровоцировало серьезный конфликт между ними. С другой стороны, ваххабизм стал «разъедать» «традиционный ислам»: начался процесс перехода в ваххабизм «традиционных мусульман», проникновения ваххабитского вероучения, политической доктрины, лозунгов, обрядов в среду мусульман, особенно молодежи.

По-видимому, пока ваххабизм воспринимается российскими гражданами, воспитанными в иных религиозных или нерелигиозных традициях, лишь фрагментарно. Кого-то привлекает максималистское единобожие ваххабитов. Других – провозглашаемая простота и чистота нравов в условиях морального разложения, идущего с запада. Немало мусульман, живущих в стесненных материальных условиях, обращают внимание на простоту и дешевизну обрядов в ваххабитских организациях. Для некоторых солидарность ваххабитских джамаатов является альтернативой местничеству, кумовству и коррупции [Херзенхорн, 2012, www], разъедающих окружающую социально-политическую элиту.

Следует учитывать и тот факт, что с позиций свободы совести все «фрагменты» ислама, в том числе и ваххабизм, равноценны и имеют в светском демократическом государстве, каковым является РФ, неоспоримое право на существование без каких бы то ни было ограничений наряду с другими религиями и нерелигиозными идеологиями, но с одной оговоркой: их идеи (идеология) и деятельность не должны представлять угрозы для общественной безопасности и прав человека. Ваххабизм, в свою очередь, характеризуется «программным» неприятием свободы совести. В его идеологии заложена религиозная нетерпимость, проповедь религиозной розни, призыв к насильственному искоренению всех неваххабитских систем и идей. В этом заключено сущностное отличие ваххабизма от других идеологических «фрагментов» ислама, в частности от распространенных в России шафиитского и ханафитского мазхабов.

Ваххабизм осуществляет пропаганду исключительности своего учения, сопровождая ее угрозой применения насилия: «Имущество и жизнь человека будут неприкосновенны лишь тогда, когда все указанное выше (произнесение шахиды – символа веры: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – Его послан-

ник») будет дополнено полным отвержением всех иных объектов поклонения. Любое же сомнение или колебание в вере лишает неприкосновенности имущество и жизнь человека» [Игнатенко, 2008, www].

Данная формулировка, принадлежащая основателю ваххабизма Ибн-Абдаль-Ваххабу, не может считаться «исторически обусловленным» призывом, характерным для XVIII в. Без малейших изменений, она сегодня повторяется в качестве руководства к действию современными ваххабитскими улемами в публикациях на русском языке [Дачаева, 2008, www].

Особое, можно сказать, ключевое место, подчеркивающее радикальный характер идеологии ваххабизма, занимает категория или принцип, называемый «такфир». Такфир – объявление мусульманина, представляющего другой «фрагмент» ислама, кафиром, то есть «неверным». Некто (чаще всего это ваххабитский улем) заявляет о каком-то мусульманине или группе мусульман, что они «неверные», то есть немусульмане. На неарабские языки такфир нередко переводят как «отлучение» (excommunication) или «анафема». Но такфир отличается от отлучения и анафемы тем, что непокаявшийся «вероотступник» должен быть убит. Такфир распространяется и на тех мусульман, которые от ислама не отступили ни словом, ни делом, ни сомнением, ни колебанием, но не присоединяются к ваххабитскому такфиру. «Тот, кто не считает кафира кафиром или не обвиняет кафира в куфре (неверии), сам становится кафиром» – эти слова Абу Мухаммада Аль-Макдиси приводит интернет-сайт «Кавказ-Центр».

Выходя на уровень властных отношений, религиозно-политическая идеология ваххабизма принимает еще более запелляционный характер. В частности, она обосновывает насилие в отношении мусульман. «Язычеством» (ширк), «вероотступничеством» (ридда) или «неверием» (куфр) провозглашается любое участие населения в деятельности «тирании» («тагута» – так ваххабиты называют государство и любую систему политической власти, которую они не могут контролировать). Речь идет не только о переходе из ислама в иную религию, но и о следовании, пусть одноразовом, в виде участия в голосовании или в выборах, присутствия на партийном собрании, в каких-то неисламских процедурах или обрядах. Любое такое участие расценивается ваххабитами

как перемена религии, ибо демократия (как и либерализм, коммунизм и проч.) трактуется ими как ложная религия [Игнатенко, 2008, www].

В данном случае за «вероотступничество» идеология ваххабизма предполагает обязательное действие – джихад, то есть насилие, вплоть до убийства тех, кто квалифицирован как «вероотступник» («муртад» в ваххабитских материалах на русском языке) или «кафир» («неверный»); обязанностью мусульман, по утверждению ваххабитских богословов, является «джихад против кафиров» [Ваххабизм – заноза в обществе, 2011, www]. «Сражение против муртадов и их предводителей является самым обязательным среди всех обязанностей» [Караханов, 2011, www]. Приведенные идеи по своему содержанию и смыслу имеют цель мотивировать читателя (предполагается: мусульманина) на ограничение свободы совести мусульман и немусульман – вплоть до самых крайних форм физического насилия, естественным правом на которое обладает только религиозно-политическая власть ваххабитов и более никто.

Между тем, подобное религиозно-политическое направление радикального ислама подпадает под статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (например, под ст. 282) и статьи Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», требуя со стороны официальной политической власти недопущения роста идеологической конфронтации граждан на религиозной почве.

Ведь распространение в России ваххабизма с его проповедью религиозной нетерпимости, религиозно мотивированного терроризма под маской джихада неизбежно ведет к росту исламофобии и ксенофобии, обращенных против «этнических мусульман». Такая реакция, скажем, может возникать у рядового православного гражданина при его знакомстве с антихристианскими идеями в ваххабитских произведениях, например, таких: «Джихад означает борьбу за то, чтобы слово Аллаха было превыше всего, чтобы на земле была только одна власть – власть ислама» [Ибнугаджарович, 2009].

В итоге страх перед мусульманами, страх перед исламом стал характерен для некоторой части российского общества, хотя страшиться надо не ислама, а самого ваххабизма [Шахлай, 2013, www]. В течение всего современного периода его распространения в России подавляющая часть мусульман оказывала ему активное сопротивление, что позволило на уровне местной власти два раза

запрещать его в Чечне (в 1997 и 2001 годах) и по одному разу в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. В Дагестане был даже принят Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» (1999 г.). В разных регионах России Духовные управления мусульман стали публиковать списки литературы, не рекомендуемой к прочтению мусульманами, куда входили ваххабитские книги и брошюры с вполне «исламскими» названиями вроде «Основы исламского вероучения».

Федеральные органы власти России встали на сторону подобных инициатив, позволив Министерству юстиции РФ опубликовать федеральный список экстремистских материалов, в котором немалое количество позиций занимают ваххабитские сочинения (см.: [Федеральный список экстремистских материалов, www]). Все эти действия уместно рассматривать как форму защиты прав и свобод российских граждан от идеологии и практики маргинальных групп, покушающихся на конституционные права, в частности на свободу совести. В ходе этой идеологической борьбы образовалась пока четко не сформулированная дилемма: противостоять ваххабизму, этой чуждой идеологии, содержащей в себе подстрекательство к силовому ограничению прав и свобод, или же противостоять «ваххабитам», российским гражданам, которые обладают неотъемлемым правом на свободу совести, например, правом верить в те идеи, с которыми в XVIII в. выступил арабийский религиозный реформатор Мухаммед Ибн-Абд-аль-Ваххаб. Специфика запретительных мер, принятая государственной властью России, доказывает, что она предпочитает бороться против ваххабизма, а не ваххабитов как таковых.

Запретительная деятельность в отношении ваххабизма в действиях государственной власти России сочетается с поощрением ею «традиционного ислама». Это развитие исламской инфраструктуры, включающей в себя строительство мечетей, обустройство мусульманских кладбищ, создание сети средних и высших религиозных учебных заведений с выдачей дипломов государственного образца и т.п., организацией и частичным финансированием паломничества (хаджа) в Мекку, публикацией исламской литературы, выпускаемой распространенными в России направлениями ислама – ханафитским и шафиитским. И в богатой палитре российских «фрагментов» ислама есть

группы «единобожников» (араб. «муваххидун»), которых называют ваххабитами. Вполне вероятно, что когда-то и их станут называть традиционными мусульманами [Игнатенко, 2008, www].

11 сентября 2001 года не открыло ничего принципиально нового в отношениях между мусульманским миром и Западом, включая Россию. Свершившаяся в тот день трагедия жесточайшим образом продемонстрировала их остроту и неразрешенность. 11 сентября было «ожидаемым». Читая изданные вдогонку этому событию публикации, написанные сотрудниками спецслужб, утверждаешься в мысли, что главная ошибка была допущена не ими, но политиками, которые, несмотря на предупреждения «академиков» и практиков-экспертов, относились к исламизму всего лишь как к мутации, как к не более чем частным проявлениям экстремизма и терроризма, привязывая его едва ли не исключительно к ближневосточному конфликту, а также к талибскому Афганистану. Это мнение бытует и поныне. Уже в 2006 году лидер британских консерваторов Дэвил Камерон назвал Афганистан «колыбелью 11 сентября» [Малашенко, Мировая умма..., 2008, www].

Попутно повторяется мысль и о том, что многие исламские экстремистские группировки, взявшие на вооружение соответствующую религиозно-политическую идеологию, создавались иностранными спецслужбами, агентами которых (сознательно или неосознанно) по разным причинам становились радикальные религиозные харизматики. В частности, невозможно отрицать вклад, внесенный в формирование «Талибана» разведкой Пакистана. Известно также, что и Бен Ладен был знаком с американскими спецслужбами, работающими в данном направлении. Да и КГБ оказывал определенную поддержку палестинским экстремистам, выступающим против экспансионизма Израиля на их территории. Однако все эти «проекты» могли быть успешными только при наличии благоприятных социально-политических условий, а также выдвижения во власть тех людей, которых можно было соответствующим образом настроить. Но не один политический процесс не может быть просчитан государственной властью на сто процентов. Просчеты в этой сфере лидеров властных и силовых структур привели к тому, что стали складываться иные социально-политические условия, только обострившиеся с распадом СССР.

Представителями новой господствующей политической силы в России предстояло не просто определить свое отношение к исламскому фактору в его радикальнейшей ипостаси, то есть к исламистской угрозе, но и подумать о возможности использования ее во внешней политике с выгодой для себя. И в этом нет нечего удивительного. Ведь политика как вид социальной деятельности во многом строится исходя из личных интересов борющихся за удержание или захват власти силой. Но здесь не следует забывать о том, что исламистская угроза современной России зародилась именно внутри нее самой. Это была естественная реакция на конфликты, возникшие в ее внутренней общественной и политической жизни, и на тот кризис в политическом сознании людей, который был вызван событиями 1985-1993 гг. Однако следует помнить, что барьер между внутренним и внешним исламом в значительной степени носит условный характер и связь между российскими мусульманами, будь то на Северном Кавказе, в Поволжье или на Южном Урале, регулярная и весьма разносторонняя. На территории России действовали и действуют, хотя и в меньших масштабах, разного рода благотворительные организации с идейно-политическим уклоном. Это «Спасение» (МИОС), «ДжамаатИхьяат-Турас аль-Ислямий» («общество возрождения исламского наследия»), «аль-Харамейн» («Две святыни»), «аль-Хайрийя» («Благотворительность»), «БеневоленсИнтернейшнлФаундейшн», «Катар», а также такие группировки, как «Хизб-ат-тахрир», «ал-Каида», «братья-мусульмане».

Какаясь политико-идеологических взглядов некоторых из этих партий, например, «братьев-мусульман», можно сказать, что они являются самым крупным суннитским политическим объединением в мире. Международная религиозно-политическая ассоциация, основанная в марте 1928 учителем Хасаном аль-Банна в Исмаилии (Египет), имела отделения в Сирии, Палестине и Ираке. Верховный суд РФ признал эту организацию террористической и запретил ее деятельность на территории Российской Федерации. «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун») в основу своей деятельности положили идеи основных теоретиков и лидеров Хассана аль-Банна и Сейида Кутба. Их цель – устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания «Великого исламского

халифата» первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ.

Каковы могли быть реальные, так сказать, осязаемые цели исламистов в России? Только при наличии большой фантазии можно допустить отторжение от России исламизированной Ичкерии, создание на кавказских территориях Халифата. Также трудно представить себе создание общероссийского мусульманского сепаратистского движения под радикальными лозунгами. Зато вполне реальным оказалось распространение среди верующих, прежде всего молодых, исламистских настроений, проникновение проповедников-исламистов в мечети, формирование кружков их сторонников. По замечанию британского исследователя Роя Алиссона, в конце 1990-х годов существовали опасения, что «мусульманское население России может оказаться восприимчивым к радикальным исламским лозунгам» [Аллисон, 2000, 107]. Отсутствие жесткой политической структуры, пассивность последователей исламизма не означает его исчезновения. Скорее он находится в состоянии выжидания. Исламистская идеология легко проникает сквозь государственные границы. Наблюдается симбиоз внутреннего и внешнего исламизма.

Сегодня исламизм прочно обосновался в «ближнем зарубежье» и стал угрожать России. Пафос многочисленных появляющихся в России «антитеррористических публикаций» направлен на то, чтобы создать мнение, что исламистская угроза возникла исключительно благодаря внешним политическим силам. Характерное для авторитарных режимов мусульманского мира облечение социального протеста в религиозную форму при отсутствии реально действующих демократических институтов превращало исламизм в единственную оппозицию [Малашенко, Ислам для России, 2008, www]. По выражению бывшего премьер-министра Казахстана Акежана Кажегельдина, «в Центральной Азии за оружие берутся люди, которым новоявленные ханы-султаны не оставили легальной ниши для оппозиционной политической деятельности» [Кажегельдин, 2000, 236]. То же самое можно отнести и к РФ, где власть на местном уровне не всегда соответствовала утвержденным в конституции 1993 г. принципам организации управления правового государства и гражданского общества. Наряду с этим абсолютизация внешнего исламистского влияния крайне важна и для действующей политической власти современной Рос-

сии, ибо только ее присутствием можно было оправдать многолетнюю чеченскую войну и отсутствие стабильности на Северном Кавказе. Само существование «исламистского интернационала» подразумевает его вмешательство во внутрироссийские дела, а значит, и оправдание brutальных действий федеральной власти в Чечне, да и вообще на Северном Кавказе.

Антилиберально настроенный публицист Михаил Леонтьев считает, что сегодня исламистская угроза для России стала «реальностью, но нужно понимать, в чем опасность и откуда она. Это опасность существует ровно в той степени, насколько мы вестернизированы не с точки зрения технологий, а идеологии и культуры. Некоторые называют это прогрессом, мы бы назвали это цивилизационной деградацией» [Калужский, 2006, 17]. Сходным образом рассуждают и исламисты – российские и зарубежные. Вместе с тем наличие этого врага игнорировалось при формировании военной политики, в которой упор делался на врага давно привычного, оснащенного ядерным оружием, авианосцами, ракетами и которая ориентировалась на «регулярную» войну. «Исламский вызов» не стимулирует модернизацию армии, где в 2000-х годах наибольшая забота уделяется стратегическим силам, которые не рассчитаны на столкновение с экстремистами.

События 11 сентября 2001 года вынудили господствующую политическую силу России вступить в антитеррористическую коалицию. Она, казалось, выбирает свое место на геополитической шахматной доске и совершает это исходя именно из исламского фактора, олицетворяемого угрозой экстремизма. Россия и Запад объединяются для борьбы с общим врагом – исламским экстремизмом, дестабилизирующим ситуацию в мире, связанным с наркобизнесом, незаконной торговлей оружием, провоцирующим внутренние и межгосударственные конфликты. Исламизм вынуждает Россию, Америку и Европу расширить сферы социально-политического сотрудничества, тем более что сам он интернационален и идеологически (во всяком случае, на лозунговом уровне) консолидирован и ему можно противостоять, только объединив усилия. Хотя уже тогда это партнерство омрачалось тучами, сгущавшимися вокруг Саддамовского Ирака, тем не менее оно еще больше привязывало РФ к Западу, подчиняло ее диктату США, укрепляя их систему ценностей и целей

самой большой стране мира и выгодные им политические силы, институты, нормативно-правовую базу и тем более идеологию.

Угроза исламистского экстремизма открывала иные, нетривиальные перспективы для российской внешней политики. Она была удобным и веским поводом для укрепления военно-политического присутствия России в Центральной Азии. Против экстремизма была призвана действовать Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в регионе был создан антитеррористический центр СНГ с соответствующими подразделениями, действующими в рамках ОДКБ. Борьба с терроризмом вошла в повестку дня Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Наряду с этим страх утратить свое влияние в Центральной Азии подталкивал политическое руководство РФ к «легкому шантажу» своих партнеров с использованием исламистской угрозы. В итоге противостояние терроризму стало обязательным пунктом соглашений России со странами этого региона.

Насколько действия политического руководства России адекватны масштабу этой угрозы? Международные организации не в состоянии предотвратить рост исламизма силовыми методами. Во-первых, его корни лежат во внутренних проблемах стран-участниц, во-вторых, активность исламских радикалов носит партизанский характер, а против этого структуры типа ОДКБ и созданной в 1996 году по инициативе Китая ШОС (в то время «шанхайской пятерки») остаются бессильны. Состоявшиеся в 2003 году антитеррористические учения ШОС выглядели в первую очередь как PR-акция, направленная на то, чтобы усилить доверие общества к господствующей политической силе.

Поэтому Россия, в отличие от США, имеющих поддержку в ООН, не станет напрямую вмешиваться во внутривосточную ситуацию в каком-либо государстве на постсоветском пространстве, если там развернется массовое движение под исламскими лозунгами, тем более если вдруг грянет «исламская революция». При возникновении подобного гипотетического конфликта в главном очаге среднеазиатского исламизма – Ферганской долине, туда не вступит ни один российский солдат. После событий в Афганистане и Ираке вряд ли кто-либо рискнет направить туда «ограниченный контингент». Да и российское общество не поймет еще одно оказание «братской помощи». Наоборот,

это только приведет к упадку доверия к государственной власти РФ со стороны избирателей, способствуя усилению праворадикальных оппозиционных сил не только исламского, но и православно-патриотического толка.

Видимо, время личных симпатий и антипатий московских и постсоветских мусульманских политиков закончилось. Сегодня государственная власть предпочитает иметь дело с теми, кто принимает правила ее игры, кто готов к учету ее интересов как национально значимых независимо от того, какое место в их мировоззрении, а также в официальной идеологии занимает религиозный элемент. Другой вопрос, готова ли российская власть к диалогу с исламистами, если они окажутся в составе правящих коалиций в Центральной Азии. Во-первых, Россия не трепещет перед исламизацией Центральной Азии (хотя вслух об этом не говорится), тем более что ее опыт общения с таджикскими исламистами был достаточно успешен. Москва содействовала мирным переговорам и подписанию в 1997 году мирного соглашения между светскими силами и объединенной таджикской оппозицией, основу которой составляла местная Исламская партия возрождения. Если бы шедший под эгидой Москвы и Тегерана переговорный процесс удалось инициировать раньше, то в результате гражданской войны было бы не 200 тысяч жертв, а значительно меньше. На это обстоятельство сегодня указывают политики и эксперты, поддерживающие идею диалога с исламистами. Во-вторых, общения с умеренными исламистами-прагматиками давно никто не чурается. «Классикой» такого общения стала Турция, которой с 2002 года уверенно правит претендующий на членство в Совете Европы исламист-технократ Реджеб Эрдоган. В-третьих, альтернативой пусть маловероятной, но все же допускаемой «зеленой революции» может оказаться неприемлемая для Москвы революция «оранжевая» [Малашенко, Ислам для России, 2008, www].

Россия с готовностью принимает частично традиционный характер постсоветских мусульманских режимов и не заикнется на их светскости. Она приспособилась к «исламскому вызову» и даже подстраивает его под свою политику. Москва с удовлетворением признает самобытный характер местных режимов и громко выражает скепсис по поводу применения к ним чуждой их самобытности западной модели. Произносимые в Ташкенте, Душанбе, Алматы обороты типа «особенности национальной демократии», «необходи-

мость сохранения цивилизационной специфики» и т.п. выгодны некоторым либерально-консервативно настроенным московским политтехнологам, обыгрывающим идею «российского пути развития», «суверенной демократии». Российская элита заинтересована в промежуточном характере этих режимов (причем с наличием исламского компонента), что облегчает ее общение с местными коллегами и способствует ее присутствию в регионе.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о том, что между политическим исламом, исламским радикализмом и фундаментализмом очень тонкая грань. Все эти течения, считающие себе политическими, имеют религиозную основу, отличаясь идеологически и по направлению деятельности. Исламские радикалы, живущие в России и требующие этнического сепаратизма, в основном действуют на Северном Кавказе, который характеризуется высоким уровнем социально-политической напряженности [Дзуцев, Дибирова, Цогоева, Цопанова, 2014].

Российская власть ожидает лояльности от мусульман своей страны, однако достичь желаемого полностью невозможно. Российские мусульмане являются частью глобальной исламской общины с ее природными склонностями, в том числе исламского радикализма и исламизма, требующих создания исламского государства (территории под законом шариата). Эта тенденция существует в мусульманском сознании, поэтому от нее не защищены ни Северный Кавказ, ни даже Татарстан с его пятисотлетним нахождением в христианской среде.

Современный радикализм исходит от альтернативного исламизма, зародившегося в странах Ближнего Востока и Персидского залива. Это течение поддерживает создание модели государственного и общественного строя, основанного на принципах ислама.

В отличие от других стран исламского мира, где религия используется для общественного и политического протеста против правящей власти, которая не способна обеспечить интересы мусульман в социальной справедливости и установить нормальные отношения с обществом, в России религия не влияет на политику государства. Лидеры мусульман в России должны в своей пропа-

ганде и распространении ислама применять максимум усилий, чтобы препятствовать росту активности радикальных группировок.

Библиография

1. Аллисон Р. Россия и Южные страны: военно-политическая безопасность // Безопасность России: XXI век. М.: Права человека, 2000.
2. Ваххабизм – заноза в обществе // Информационное агентство «Чеченская Республика СЕГОДНЯ». URL: <http://chechnyatoday.com/content/view/17365> (дата обращения: 09.02.2015).
3. Дачаева Х. Ваххабизм добивается успеха в конфликтогенных обществах // Черновик. URL: <http://chernovik.net/content/inye-smi/vahhabizm-dobivaetsya-uspeha-v-konfliktogennyh-obshchestvah> (дата обращения: 11.12.2014).
4. Дзуцев Х.В., Дибирова А.П., Цогоева Ф.Б., Цопанова А.Ю. Уровень социально-политической напряженности в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2014. № 4. С. 55-127.
5. Зайцева Ю. Не отождествлять ваххабизм со всем исламом призвал известный эксперт Александр Игнатенко // Благовест-инфо. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?id=22727&s=3&ss=2> (дата обращения: 04.12.2014).
6. Ибнугаджарович С.М. Основы исламского вероучения. Махачкала: Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки, 2009. 362 с.
7. Игнатенко А.А. Осторожно: ваххабизм! // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/problems/2008-10-01/5_vahhabism.html (дата обращения: 21.11.2014).
8. Кажегельдин А. Оппозиция средневековью. Лондон – Москва: Крафт+, 2000. 514 с.
9. Калужский М. Это не наш God: Интервью Михаила Леонтьева Михаилу Калужскому // Большая политика. 2006. № 3 (5). С. 17.
10. Караханов М. Что такое такфир и как его рассматривает Шариат? // Телевидеокомпания «Исламский Мир». URL: <http://islamtv.ru/news-458.html> (дата обращения: 01.03.2015).

11. Малашенко А.В. Ислам для России // IslamRF.ru. URL: <http://www.islamrf.ru/news/umma/islam-world/2596> (дата обращения: 27.11.2014).
12. Малашенко А.В. Мировая умма и региональные мусульманские сообщества в эпоху глобализации // ИД «Медина». URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?365> (дата обращения: 03.01.2015).
13. Общая теория конфликта Кеннета Боулдинга // Все Рефераты. URL: <http://allrefs.net/c12/41dy8/p2/> (дата обращения: 12.01.2015).
14. Теория социального конфликта // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_социального_конфликта (дата обращения: 05.02.2015).
15. Федеральный список экстремистских материалов // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения: 11.03.2015).
16. Херзенхорн Д. Активность радикального ислама в умеренном регионе России вызывает серьезную обеспокоенность в Кремле // ОКО ПЛАНЕТЫ. URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/135631-ih-mnenie-aktivnost-radikalnogo-islama-v-umerennom-regione-rossii-vyzyvaet-sereznuyu-obespokoennost-v-kremle-the-new-york-times-ssha-.html> (дата обращения: 16.02.2015).
17. Шахлай А. Что такое Исламофобия? // Топ Автор. URL: http://www.topauthor.ru/chto_takoe_islamofobiya_1b7d.html (дата обращения: 08.11.2014).

The features of the adoption of the radical Islamic ideology in the modern political process on the territory of the Russian Federation

Somayeh Pasandide

Postgraduate student,
Department of political science and sociology,
Moscow State Pedagogical University,
119571, 88 Vernadskogo avenue, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Somayeh_pasandide@yahoo.com

Abstract

The article describes the features of the adoption of the radical Islamic ideology in the modern political process on the territory of the Russian Federation. The author of the article covers the basics: modern Islamic radicalism is very dangerous not only to neighbouring states, but also to the whole world, and it is dangerous most of all to the North Caucasus. The author also points out that there is a very fine line between political Islam, Islamic radicalism and fundamentalism because all these trends have a religious basis, though they differ from one another ideologically and in areas of activity. The Russian government expects loyalty from all Muslims that live in the country, but it is impossible to reach the object of the government's desires. Modern radicalism is based on alternative Islamism that originated in the Middle East and the Persian Gulf countries. This trend supports the creation of a model of a state and social system based on the principles of Islam. The article emphasizes that Russian Muslims are part of the global Islamic community with its natural inclinations, including Islamic radicalism and Islamism that require the creation of an Islamic state.

For citation

Pasandide S. (2015) Osobennosti utverzheniya ideologii radikal'nogo islama v sovremennom politicheskom protsesse na territorii Rossiiskoi Federatsii [The features of the adoption of the radical Islamic ideology in the modern political process on the territory of the Russian Federation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 3, pp. 32-50.

Keywords

Radicalism, Islam, Russian Federation, North Caucasus, political process.

References

1. Allison R. (1999) The military and political security landscape in Russia and the South. In: *Russia, the Caucasus and Central Asia: the 21st century security environment*. Armonk, NY; London: M.E. Sharpe. (Russ. ed.: Allison R. (2000) Rossiya i Yuzhnye strany: voenno-politicheskaya bezopasnost'. In: *Bezopasnost' Rossii: XXI vek*. Moscow: Prava cheloveka Publ.)

2. Dachaeva Kh. (2008) Vakhkhabizm dobivaetsya uspekha v konfliktogennykh obshchestvakh [Wahhabism succeeds in conflict-prone societies]. *Chernovik* [Draft]. Available from: <http://chernovik.net/content/inye-smi/vahhabizm-dobivaetsya-uspeha-v-konfliktogennykh-obshchestvah> [Accessed 11/12/14].
3. Dzutsev Kh.V., Dibirova A.P., Tsogoeva F.B., Tsopanova A.Yu. (2014) Uroven' sotsial'no-politicheskoi napryazhyonnosti v respublikakh Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga Rossiiskoi Federatsii [The level of social and political tension in the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 4, pp. 55-127.
4. Federal'nyi spisok ekstremistskikh materialov [Federal list of extremist materials]. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii* [The official site of the Ministry of Justice of the Russian Federation]. Available from: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> [Accessed 11/03/15].
5. Ibnugadzharovich S.M. (2009) *Osnovy islamskogo veroucheniya* [Fundamentals of Islamic doctrinal statements]. Makhachkala: Severo-Kavkazskii universitetskii tsentr islamskogo obrazovaniya i nauki Publ.
6. Ignatenko A.A. (2008) Ostorozhno: vakhkhabizm! [Caution: Wahhabism!] *Nezavisimaya gazeta* [Independent newspaper]. Available from: http://www.ng.ru/problems/2008-10-01/5_vahhabism.html [Accessed 21/11/14].
7. Kaluzhskii M. (2006) Eto ne nash God: Interv'yu Mikhaila Leont'eva Mikhailu Kaluzhskomu [This is not our God: Mikhail Kaluzhskii interviews Mikhail Leont'ev Kaluga]. *Bol'shaya politika* [Big-times politics], 3 (5), p. 17.
8. Karakhanov M. (2011) Chto takoe takfir i kak ego rassmatrivaet Shariat? [What is takfir and how does the Sharia view it?] *Televideokompaniya "Islamskii Mir"* [Televideocompany "The Islamic World"]. Available from: <http://islamtv.ru/news-458.html> [Accessed 01/03/15].
9. Kazhegel'din A. (2000) *Oppozitsiya srednevekov'yu* [Opposition to the Middle Ages]. London – Moscow: Kraft+ Publ.
10. Kherzenkhorn D. (2012) Aktivnost' radikal'nogo islama v umerennom regione Rossii vyzyvaet ser'yoznuyu obespokoennost' v Kremle [The activity of radical Islam in the temperate region of Russia is of great concern to the Kremlin].

- OKO PLANETY* [THE EYE OF THE PLANET]. Available from: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/135631-ih-mnenie-aktivnost-radikalnogo-islama-v-umerennom-regione-rossii-vyzyvaet-sereznyuyu-obespokoennost-v-kremle-the-new-york-times-ssha-.html> [Accessed 16/02/15].
11. Malashenko A.V. (2008) Islam dlya Rossii [Islam for Russia]. *IslamRF.ru*. Available from: <http://www.islamrf.ru/news/umma/islam-world/2596> [Accessed 27/11/14].
 12. Malashenko A.V. (2008) Mirovaya umma i regional'nye musul'manskie soobshchestva v epokhu globalizatsii [The world ummah and regional Muslim communities in the era of globalization]. *ID "Medina"* [Medina Publishing House]. Available from: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?365> [Accessed 03/01/15].
 13. Obshchaya teoriya konflikta Kenneta Bouldinga [Kenneth Boulding's general theory of conflict]. *Vse Referaty* [All Papers]. Available from: <http://allrefs.net/c12/41dy8/p2/> [Accessed 12/01/15].
 14. Shakhilai A. (2013) Chto takoe Islamofobiya? [What is Islamophobia?] *Top Avtor* [Top Author]. Available from: http://www.topauthor.ru/chto_takoe_islamofobiya_1b7d.html [Accessed 08/11/14].
 15. Teoriya sotsial'nogo konflikta [Social conflict theory] (2013). *Vikipediya* [Wikipedia]. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_социального_конflikta [Accessed 05/02/15].
 16. Vakhkhabizm – zanoza v obshchestve [Wahhabism as a thorn in the society's side] (2011). *Informatsionnoe agentstvo "Chechenskaya Respublika SEGOD-NYa"* [News Agency "The Chechen Republic TODAY"]. Available from: <http://chechnyatoday.com/content/view/17365> [Accessed 09/02/15].
 17. Zaitseva Yu. (2008) Ne otozhdestvlyat' vakhkhabizm so vsem islamom prizval izvestnyi ekspert Aleksandr Ignatenko [Alexander Ignatenko, a well-known expert, urged not to equate Wahhabism with the entire religion of Islam]. *Blagovest-info* [Toll-info]. Available from: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?id=22727&s=3&ss=2> [Accessed 04/12/14].